

“Сам съешь” - “сам съел”

(Об одном пушкинском литературном эксперименте)

М.Л. Гаспаров дает такое определение жанра эпиграммы в новой европейской поэзии: “короткие сатирические стихотворения, обычно с остротой (*пуантом*) в конце, отчасти перерабатывающие традиционные марциаловские мотивы, отчасти откликающиеся на злободневные, часто политические события”¹. Расцвет русской эпиграммы - пушкинская эпоха - представил ряд шедевров этого жанра, организованных не только по степени “остроумности” пуанта, но и по уровню осмеяния в этом пуанте конкретной *личности*.

Личность, явление, совершенно недопустимое (по тогдашним литературным нравам) в “больших” жанрах, оказывалась вполне естественной в эпиграмме. Более того: прозрачность “обстоятельств”, по поводу которых создано то или иное эпиграмматическое сочинение, оказывалась необходимым условием его читательского успеха, ибо *интерес* эпиграммы определялся прежде всего теми предлагаемыми обстоятельствами, которые за ней стояли. *Личность*, таким образом, входила в поэтику эпиграммы.

При этом уровень дополнительных “знаний” о *личности* определял и саму семантику восприятия “пуанта”. Вот эпиграмма Пушкина, направленная против князя М.А. Дондукова-Корсакова (1794-1869), попечителя Петербургского учебного округа, председателя Цензурного комитета, ставшего в марте 1835 г. вице-президентом Академии наук:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что жопа есть.

(III, 388)²

Заключительный “пуант” предполагает двойное истолкование. Возможно, что перед нами намек на глупость вице-президента Академии, избранного на эту должность исключительно из-за достоинств “седалища”. Поначалу эта эпиграмма была включена в собрание сочинений Пушкина 1887 г. в варианте “для дам”: “Оттого,

что есть чем сесть” (III, 975)³, - в этом варианте семантика эпиграммы этим и исчерпывается.

Но если учесть ходившие по Петербургу слухи о противоестественных отношениях князя Дондукова-Корсакова с министром просвещения С.С. Уваровым, то эпиграмма приобретает дополнительную “антиуваровскую” направленность. Кажется, именно ее имел в виду Пушкин в разговоре с А.А. Краевским, который записал П.И.Бартенев. Однажды, когда Краевский принес Пушкину корректуру, Пушкин сказал: “Некогда, некогда, надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? Поедем вместе; посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме”⁴. С другой стороны, по свидетельству С.А.Соболевского, Пушкин, “когда лично узнал Дундука”, сожалел об этой шалости⁵.

“Сожаление” Пушкина вызвано тем, что он в данном случае допустил *личность*, оскорбительный выпад против определенного лица. Пушкин, в общем-то, был против литературных *личностей* и солидаризировался с “цензором” из эпиграммы на М.Т.Каченовского (“Журналами обиженный жестоко...”):

Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: все это будет личность.

(III, 154)

Об этом же — грустное замечание Пушкина, не принимающего современной “критики”: “...по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани...” (XI, 132). Прочитав однажды подобную “личность” про себя самого, он лишь меланхолично заметил: “На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула” (XI, 162). В 1835 г. он задумал писать статью о правах писателя - и в плане ее выделил специальный раздел: “О личностях” (XII, 210).

Но эпиграмма не бывает без *личностей* - особенно эпиграмма талантливая. Знаменитая эпиграмма Пушкина на графа М.С. Воронцова (“Полу-милорд, полу-купец...”) обесмысливается без “личностного” представления о “милорде Уоронцове”, записном “англомане”, - и уж, во всяком случае, теряет значительную долю своей прелести. Вместе с тем, в соответствии с литературными установками самого Пушкина эта эпиграмма недопустима - как и многие другие эпиграммы 1820-х годов, составившие ему славу.

Об этой специфической славе Пушкин уже в 1825 г. отзывался не без сожаления. Готовя к печати сборник своих стихов, он писал

(в начале апреля) Вяземскому: “Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах - их всех около 50 и все оригинальные - но по несчастью я могу сказать, как Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie⁶, а с живыми - полно, не хочу ссориться” (XIII, 160). Но, несмотря на сожаление, так и не мог преодолеть своего тяготения: его письма к тому же Вяземскому - и раньше, и позднее этого признания - оказываются наполнены эпиграммами именно на “живых” (XIII, 136, 137, 165-167 и т.д.).

В конце 1829-го или в начале 1830 года Пушкин написал “загадочную” эпиграмму, в которой сделал попытку избавиться от “личностей” - избавиться самым простым способом: не упоминать “лиц”. Эта эпиграмма неожиданно наделала много шума, и Пушкину по ряду причин (о которых - ниже) пришлось *трижды* публиковать ее: сначала в альманахе “Подснежник на 1830 год”, изданном Е.В. Аладьиным и вышедшем в начале апреля, потом в “Литературной газете” А.А. Дельвига (№ 43 от 30 июля 1830), с некоторыми изменениями в тексте и с обширным примечанием; наконец, в третьей части “Стихотворений Александра Пушкина” (разрешенной цензурой 20 января 1832). В последнем случае эта эпиграмма была явно не на месте, ибо входила в раздел “Разных годов”, построенный, несомненно, по принципам циклической организации⁷. Эта же эпиграмма, при всей ее “анонимности”, явно выбивалась из общей тональности цикла.

Вот как она выглядела в “Стихотворениях...” 1832 года:

Собрание насекомых

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки.

Крылов

Мое собрание насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот *** - Божия коровка,
Вот *** - злой паук,
Вот и *** - Российский жук,
Вот *** - черная мурашка,
Вот *** - мелкая букашка,
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах

Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.⁸

Незамысловатое стихотворение было явно направлено против неких литераторов, современников Пушкина - и рассчитано на со-творчество читателя, способного при необходимости поставить недостающие имена. Сохранился ряд рукописных копий с проставленными именами (III, 1199-1200), но фамилии литераторов в них не всегда совпадают.

Между тем, это стихотворение было изначально написано с прямыми указаниями на конкретные личности. М.П. Погодин в письме к С.П. Шевыреву от 23 марта 1830 г. (еще до появления "Собрания насекомых" в печати) указал: "Он (Пушкин - В. К.) поет твои куплеты и отпаливается эпиграммами. Вот содержание одной: "у меня есть собрание насекомых. Вот Гл. Божия коровка, вот Кач. злой паук, вот и Св. российский жук <...> Вот Р. гадкая козявка - смотрите, они все под стеклами у меня торчат на острых эпиграммах". Каков последний стих!"⁹ Изначально, как видим, эпиграмма писалась под конкретных "персонажей", но при публикации Пушкин предпочел эти "личности" обозначить "под звездочками", предоставив каждому, по собственному наитию, вносить вместо "звездочек" подходящее под стихотворный размер имя.

Под "Божией коровкой" угадывался Ф.Н. Глинка, который с середины 1820-х гг. увлекся "опытами священной поэзии", - Пушкин, чуть раньше назвавший Глинку "дьячок *Фута*" (II, 375), неизменно относился к этим "опытам" иронически¹⁰. "Злой паук" - так мог быть назван М.Т. Каченовский, профессор Московского университета и редактор "Вестника Европы", признанный в литературном мире "зоил", адресат и персонаж едва ли не десятка пушкинских эпиграмм и выпадов его друзей. "Российский жук" - это, кажется, П.П. Свиньин, издатель "Отечественных записок", прославившийся своей склонностью к сенсационным фантастическим домыслам (чуть позднее Пушкин изобразит его в пародийной "сказочке" "Маленький лжец" - XI, 101).

Относительно "черной мурашки" и "мелкой букашки" (которые к тому же в тексте первой публикации назывались "тощая пиявка" и "мелкая козявка" - III, 800) у современников возникали сомнения. В качестве "кандидатов" на эти "должности" назывались В.Н. Олин, С.Е. Раич, М.П. Бестужев-Рюмин, Б.М. Федоров ("Борька"), Н.И. Греч и даже Ф.И. Тютчев (III, 800-801). "Сам этот разнбой, - констатировал комментировавший пушкинскую эпиграмму Л.С. Сидяков, - показывает, что замысел стихотворения предполагает

некоторую неопределенность и загадочность и не предусматривает непременно точной расшифровки предполагаемых имен¹¹. Пушкин как бы вступал в “игру” не столько с абстрактным “читателем”, сколько с предполагаемыми “персонажами” стихотворения - самими *личностями*. Предлагая им прочесть “зашифрованный” текст, он стимулировал естественное желание - возникающее при столкновении с любым ребусом или кроссвордом - “расшифровать” его, помня при этом, что в конечном итоге под какой-нибудь “мелкой козявкой” можешь скрываться ты сам...

Несмотря на эту очевидную установку, не только сами “прототипы” изображенных “насекомых”, но и друзья Пушкина (тот же Погодин, П.А. Плетнев и др.), и пушкинисты были озабочены прежде всего наиболее “убедительным” отысканием тех “личностей”, которые были скрыты под “звездочками”¹². “С заменой звездочек фамилиями” эта эпиграмма была напечатана и в Большом академическом издании (III, 204). Между тем, вся последующая история, связанная с “Собранием насекомых”, демонстрирует неверность такого текстологического решения.

Через три года после появления пушкинской эпиграммы О.И. Сенковский (Барон Брамбеус) напечатал в “Северной пчеле” (1833, № 17) фельетон под названием “Личности”. Начинаясь он так: “Однажды в шутку закричал я на улице: “Вор! вор!.. ловите!.. ” Десять человек оглянулось. Один из них, входя в питейный дом, проворчал так, что я сам расслышал: “Ну как у нас позволяют говорить на улице такие личности?”. Далее в этом фельетоне приводится цепочка столь же гротескных примеров, отмечающих интересное явление: “напиши или скажи какую-нибудь истину - из нее тотчас выведут тебе две сотни *личностей*...”. При этом адресаты упреков в нечестности, тщеславии или глупости моментально узнают себя самих даже и в том случае, если эти упреки не к ним относятся. “Недели две тому назад написал я статью *о дураках*. Две тысячи пятьсот восемьдесят семь человек подписали на меня формальную жалобу на предлинном листе бумаги, нарочно заказанном ими на петергофской фабрике...”¹³. Соль фельетона Сенковского заключается в осмеянии показательного “узнавания” прототипами собственной *личности* - как только речь заходит об очередном общечеловеческом пороке.

С Пушкиным позднее случился известный эпизод с сатирой “На выздоровление Лукулла”, напечатанной в сентябре 1835 г. в журнале “Московский наблюдатель”. Был пущен слух, что она направлена против министра просвещения графа С.С. Уварова, и тот пожаловался Николаю I. Государь распорядился А.Х. Бенкендорфу

сделать автору выговор. Тот вызвал Пушкина. “Когда в разговоре о стихотворении *На выздоровление Лукулла* Бенкендорф хотел от него добиться, на кого оно написано, то он отвечал: “На вас” и, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: “Вы не верите? отчего же другой уверен, что это на него?”¹⁴

Публикуя в 1830 г. стихотворение, в котором *личности* замещались *звездочками*, Пушкин добивался подобного же эффекта и провоцировал такое же восприятие, усиливавшееся еще тем, что в странных “портретах” “злого паука” или “мелкой козявки” почтенные люди вдруг стали узнавать себя самих. Ответы от “обиженных” не замедлили последовать. Уже в апреле 1830 г. задетый за живое Н.А. Полевой (не исключавший, что среди помянутых “насекомых” мог оказаться он сам) поместил в “Московском телеграфе” чрезвычайно злобный ответный выпад:

Эпиграмма

(На голос: Мое собрание насекомых)

На ниве бедной и бесплодной
Российской прозы и стихов
Я, сын поэзии холодной,
Вам набрал травок и цветов;
В тиски хохочущей сатиры
Я их когтями положил
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.
Вот *Чайльд-Гарольдия* смешная,
Вот *Дон-Жуанья* моя,
Вот *Дидеротия* блажная,
Вот *Русской белены* семья,
Пырей Ливонии удалый,
И *Финский* наш *чертополох*,
И *мак Германии* завялый,
И *древних эллинов* горох.
Всё, всё рядком в моих листочках
Разложено, положено,
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено!

*Обезьянин*¹⁵

Внешне строя свою эпиграмму “на голос” пушкинского стихотворения (“собрание насекомых” заменяется коллекцией засушен-

ных “травок и цветов”), Полевой, однако, добивается совсем другого - обратного - эффекта, демонстрирует, что он “попался на удочку”. Задача Пушкина - *скрыть* представленные в стихотворении “личности”, задача Полевого - *указать, намекнуть* на личности. И его намек “расшифровывается” достаточно просто, ибо в основе этой расшифровки оказывается не “подбор” имени к ритму стиха, а точное знание литературной ситуации и отношение к ней самого Полевого.

Обезьянин — это обозначение самого Пушкина (в эпиграмме он фигурирует как я). *Чайльд-Гарольдия* и *Дон-Жуания* - намек на несамостоятельность его самого знаменитого произведения, “Евгения Онегина” (на эту “несамостоятельность” Полевой не раз намекал и в своих статьях). *Дидеротия* - намек на П.А. Вяземского, печатавшего в то время переводы из Дидро. *Русская белена и древних эллинов горох* - указание на основные жанры поэзии А.А. Дельвига. *Пырей Ливонии* - Н.М. Языков, автор стихотворения “Ливония”. *Финский чертополох* - Е.А. Баратынский, автор элегии “Финляндия”. *Мак Германии* - С.П. Шевырев, напечатавший недавно перевод из гетевского “Фауста”. В целом эпиграмма метила в Пушкина и его друзей, составивших перед этим кружок “Литературной газеты”.

Этот полемический прием Пушкин очень точно прокомментировал чуть позднее - в “Опыте отражения некоторых нелитературных обвинений”: “Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. - Сам ты *букашка*, закричали бойкие журналисты, и стихи-то твои *букашки*, и друзья-то твои *букашки*. *Сам съешь*”. Последнее выражение, взятое из “энергетического наречия нашего народа”, Пушкин комментирует в подстрочном примечании: “Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: *съешь*, а догадливый противник отвечает: *сам съешь*” (XI, 169). Автор “Собрания насекомых” в этой логике выступает как “остроумный человек”, а Полевой, обозвавший его *Обезьяниным*, - всего лишь как “догадливый противник”, неспособный придумать оригинальный ход... Этот выпад Полевого был даже на руку Пушкину, ибо еще острее подчеркивал основную цель его странного опуса.

Гораздо оригинальнее и острее был ответ на пушкинский выпад, представленный в “Вестнике Европы”, где в составе рецензии на альманах “Подснежник” (подписанной Л.С.) появилась пародийная “расшифровка” пушкинских “звездочек”:

“Энтомологи велят загадочные стихи читать следующим образом:

Полтава - Божия коровка,
Кавказский пленник - злой паук,
Вот Годунов - российский жук,
Онегин - тощая пиявка,
Граф Нулин - мелкая козявка"¹⁶.

Очень любопытной была реакция самого Пушкина на эту "расшифровку", которая, между прочим, не противоречила внешнему смыслу исходного стихотворения. Сохранилось свидетельство Е.Н. Ушаковой (в письме, вероятно, к брату от конца мая - начала июня 1830 г.), в котором передается эта реакция: "Каков Каченовский - отделал самодержавного поэта, который вздумал завести натуральный кабинет, - да и завел на свою голову; его, моего батюшку, без звездочек поместили с чадами. Он очень сердит; говорит, что очень глупо, что не понимают никаких критик - но, бывши у нас (то есть спровадя свою невесту в деревню) сказал, что *сам съел*"¹⁷.

М.И. Гиллельсон полагал, что эти слова - свидетельство пушкинского поражения в состоявшейся критической полемике, после которого поэт, осознавший, "что эпиграмма - орудие обоюдоострое", перестал публиковать свои эпиграммы вообще: "Время эпиграмм для Пушкина оставалось позади"¹⁸. Думается, однако, что все сложнее.

Е.Н. Ушакова в упоминаемом письме приводит пушкинскую эпиграмму и тут же расшифровывает имена ("Эти стихи написаны на Глинку, Каченовского, Свинына, Раича, последнего позабыла...") - то есть предполагает необходимость *расшифровки* эпиграммы и уяснения *личностей*. Между тем, Пушкин далеко не случайно перед тем, как признаться, "что *сам съел*", говорил, "что очень глупо, что *не понимают* никаких критик". Ни литераторы "противной" стороны, ни публика, ни друзья не поняли "глубинного" замысла стихотворения "Собрание насекомых" - именно это обстоятельство обескуражило Пушкина.

В.А. Жуковский в известном письме к Бенкендорфу, писавшемся через месяц после гибели Пушкина, вспомнил историю с сатирой "На выздоровление Лукулла" и интерпретировал ее следующим образом: "Но что же эти стихи к Лукуллу? Злая эпиграмма на лицо, даже не пасквиль, ибо здесь нет имени. Пушкин хотел отомстить ей за какое-то личное оскорбление; не оправдываю его нравственности, но тут еще нет ничего возмутительного противу правительства. И какое дело правительству до эпиграммы на лица? Даже и для того, кто оскорблен такою эпиграммою, всего благоразумнее

не узнавать себя в ней. Острота ума: не есть государственное преступление”¹⁹.

В литературной ситуации 1830 г., не принявшей “Собрание насекомых”, проявился тот же феномен, что и в ситуации противостояния Пушкина и Уварова: большинство современников попросту не поняло “остроты ума”, скрывавшей яркий литературный эксперимент, для Пушкина очень важный. Показательно, что этот текст он напечатал - после шумной эпиграмматической баталии - еще дважды.

Разговор с Ушаковой, переданный ею в цитированном письме, состоялся в конце мая 1830 г. (когда Пушкин возвратился в Москву из Полотняного завода, куда он ездил знакомиться с дедом своей невесты), а 30 июля вышел номер “Литературной газеты”, в котором текст “Собрания насекомых” был повторен (с некоторыми изменениями) - но опять с нарочитыми “звездочками”. Затем следовал иронический текст:

“Сие стихотворение, напечатанное в альманахе *Подснежник* нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем большею частию неблагосклонно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в *Вестнике Европы* и в *Московском телеграфе*. Пародия *Вестника* отличается легким остроумием; пародия *Телеграфа* - полною смысла и строгою грамматической и логической точностию. - Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное Сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.” (XI,131).

Пушкинское “примечание” было, в сущности, продолжением его литературного эксперимента насчет “личностей”. Сначала в нем констатируется “общее внимание”, вызванное пустяковой эпиграммой (обозначенной как “важное стихотворение”); затем подчеркивается “неблагосклонность” этого внимания (следовательно, те, кто внимал, что-то неладное заподозрили в “жуках”, “пауках”, “мурашках” и “козявках”); дается издевательская характеристика пародийной эпиграммы Полевого (нелено хвалить эпиграмму за “полноту смысла” и верность “грамматике”) и - признается “остроумие” “расшифровки”, появившейся в “Вестнике Европы”. Следующее за тем объявление о выходе “особой книги”, несмотря на явную ироничность, содержит момент серьезности.

В самом деле, предлагаемая “цена” книги - 25 рублей - непомерно велика для эпиграммы в 14 стихов: книга должна быть “толстой”. Следовательно, ее основной объем должны занять тут же перечисленные приложения: “предисловие”, “примечания”, “биографические объяснения”, “все критики” и “опровержение оных”. Да к тому же еще некое “литохромированное изображение” - естественно, не “насекомых”, а тех *личностей*, которые узнали или могут узнать себя в этих самых “насекомых”. А поскольку “Собрание насекомых” - это стихотворение о пушкинских эпиграммах, то в планируемой “особой книге” не обойдется и без его эпиграмм, которые в данном тексте предстают как *итог* этого рода пушкинского творчества, и без персонажей эпиграмм, которые “рядком торчат” в наследии поэта.

В самом деле, представим такого рода “сборную” книгу пушкинских эпиграмм и *bon mots* - “малых” жанров, которые не обязательно требуют печати, - для них, как и для анекдотов, достаточно “устной публикации”. Если эти эпиграммы собрать, снабдить “биографическими объяснениями”, “примечаниями”, указанием на “все критики”, которые они вызвали, и “опровержением” этих “критик”, да еще и портретами “персонажей” — то книга получится действительно толстой и солидной, никак не меньше 25 рублей...

Более того: следы работы Пушкина над этой “особой книгой” отыскиваются в том же 1830 году. В сентябре-октябре, во время знаменитой “болдинской осени”, Пушкин, занимаясь многими лирическими, эпическими и драматическими замыслами, попутно писал и короткие заметки: “биографические объяснения”, “собственные замечания на собственные же сочинения” и “опровержение на все критики” (XI, 144). Под редакторским заглавием “Опровержение на критики” эти заметки были собраны воедино в Большом академическом издании (XI, 143-163). Свое место в них отведено и “Собранию насекомых” (XI, 151-153)²⁰, и критическому принципу *сам съешь*, вызывающему у Пушкина негативную реакцию и распространенному на ряд фактов современной ему критики.

Наконец, в начале 1832 г. Пушкин включил эту эпиграмму в третью часть своих “Стихотворений”. Это последняя эпиграмма Пушкина, помещенная в авторское собрание. В третьей части “Стихотворений”, объединившей стихи 1829-1831 гг., оно стоит не на своем месте: не между эпиграммами 1829 г. (из них в книге помещены три: “Счастливы ты в прелестных дурах...”, “Литературное известие” и “Как сатирой безымянной”), а в конце тома, в составе лирического цикла “Разных годов”, между двумя “любовными”

стихотворениями (“Подъезжая под Ижоры...” и “Приметы”) - и таким образом оказывается предпоследним текстом во всей книге.

Кажется, что это, более “ударное”, место в сборнике выбрано Пушкиным не случайно: он видел в этой “безделке” гораздо больше, чем просто эпиграмму на конкретных мелкотравчатых литераторов и пытался еще раз напомнить о том не понятом современниками литературном эксперименте, за который, в конечном счете, сам съел...

¹ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 511.

² Произведения и письма Пушкина цитируются по Большому академическому изданию (АН СССР. 1937 - 1949). Ссылки (с указанием тома и страницы) приводятся в тексте.

³ Этот “вариант для дам” сохранился в памяти А.А. Краевского, который при этом ссылался на виденный им автограф Пушкина, до нас не дошедший (Русский архив. 1892. №8. С. 490).

⁴ Там же.

⁵ Пушкин и его современники. Л., 1927. Вып. 31 – 32. С. 39.

⁶ Все те, на кого я их написал, еще живы (*франц.*) - Шамфор.

⁷ См.: Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 225.

⁸ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1997 (“Литературные памятники”). С. 307.

⁹ Русский архив. 1882. №6. С. 161.

¹⁰ См.: Кошелев В.А. Пушкин: История и предание.: Очерки. СПб., 2000. С. 256 – 257.

¹¹ Стихотворения Александра Пушкина. С. 603.

¹² См.: Якушкин Е.И. По поводу последнего издания сочинений А.С.Пушкина // Библиографические записки. 1858. №11. Стлб. 345; Переписка Я.К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 401; Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851 – 1860 годах. М., 1925. С. 31; Из пушкинианы П.И. Бартенева // Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. М., 1936. С. 532; Лернер Н. О. Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 16. С. 23 – 28; Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 182 – 183.

¹³ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 1. С. 458 – 463.

¹⁴ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1901. С. 290.

¹⁵ Московский телеграф. Ч. XXXII. №8. Новый живописец общества и литературы. С. 135.

¹⁶ Вестник Европы. 1830. №8. С. 302.

¹⁷ Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 97.

¹⁸ Русская эпиграмма (XVIII – начало XIX века). Вступ. ст. М.И. Гил-

ельсона. Л., 1988. С. 29.

¹⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985.

Т. 2. С. 412.

²⁰ См.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 165 – 178.

*Литературные мелочи
прошлого
тысячелетия*

К 80-летию Г.В. Краснова
Сборник научных статей